

UNIVERZITA KARLOVA

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Alexandra Geints

**Концепция личности и
государственности в повести
А.П. Платонова «Котлован»**

Concept of Individuality and the State
in Andrey Platonov's prose
«Kotlovan»

Vedoucí práce: Mgr. Hana Kosáková, Ph.D.

Praha 2022

Poděkování

Děkuji především své školitelce, Mgr. Haně Kosákové, Ph.D. za její cenné rady, vstřícnost a čas, který mi věnovala. Dále bych chtěla poděkovat svým rodičům a všem svým přátelům za jejich podporu a důvěru, jež motivovali mě ke studiu.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne 11. 12. 2022

Абстракт

Данная работа посвящена проблеме взаимоотношений личности и тоталитарного государства в творчестве писателя А.П. Платонова на примере повести «Котлован». В работе будет представлен взгляд на исторический контекст. Целью работы является определение типа идентичности героев повести с точки зрения их отношений с идеологией и обществом, их мотиваций и деятельности.

Abstrakt

Tato práce je věnována problematice vztahu jedince a totalitního státu ve tvorbě A. P. Platonova na příkladu prózy "Kotlovan". V práci bude ukázan historický kontext. Cílem práce je určení typu identity hrdin prózy na základě charakteru jejich vztahu s ideologií a společností, jejich motivací a činností.

Abstract

This bachelor's thesis deals with the topic of the relationship between an individual and the totalitarian state in Andrey Platonov's work, based on his novel "The Foundation Pit". This work will offer a perspective on historical context. The aim of this work is to pinpoint the type of the characters' identity based on their relationship with ideology and society, their motivations and actions.

Ключевые слова: Андрей Платонов, Котлован, личность, тоталитаризм, русская литература

Klíčová slova: Andrej Platonov, Kotlovan, osobnost, totalita, ruská literatura

Key words: Andrey Platonov, Kotlovan, individuality, totalitarianism, Russian literature

Содержание

Введение	7
Глава 1. Исторический и литературоведческий контекст.....	9
Глава 2. «Старый человек» в мире «Котлована».....	19
Глава 3. «Новый человек» в мире «Котлована»	31
Заключение	43
Библиография.....	45

Введение

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия – Климентов; 1899–1951) – русский и советский писатель, прозаик и драматург XX века, чьё творчество получило большую известность за свою самобытность. Он был старшим сыном в семье слесаря железнодорожных мастерских, и впечатления трудного, полного забот детства позже были описаны в рассказе «Семен» (1927), в котором образ главного героя имеет автобиографические черты. До 1917 будущий писатель сменил несколько профессий: был подсобным рабочим, литейщиком, слесарем и т.п., впечатления о чем отразились в таких рассказах, как «Очередной» (1918) и «Сергея и я» (1921). Платонов говорил о своем детстве так: «жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности». В 1918 году будущий писатель поступил в железнодорожный техникум, однако начавшаяся гражданская война помешала ему окончить обучение. Во время военных действий Андрей Платонов служил в рядах Красной Армии. Октябрьская революция сильно повлияла на его биографию и послужила своего рода толчком к активному началу творчества. В послереволюционные годы Платонов решил изменить свою фамилию и начал работать в различных издательствах, где пробовал себя в роли критика, публициста и поэта.

В 1926 году была написана повесть «Епифанские шлюзы», которая стала одним из первых крупных и успешных произведений писателя. В скором времени Платонов решает переехать в Москву. Этот переезд оказал на него положительное влияние. Столица очень сильно вдохновила его, и следующий год вышел для Андрея Платонова весьма плодотворным. Ему удалось написать много повестей и рассказов, впоследствии ставших знаменитыми: «Сокровенный человек» (1927), «Эфирный тракт» (1927), «Ямская Слобода» (1927), «Город градов» (1927), и многие другие. Публикация рассказа «Усомнившийся Макар», однако, вызвала шквал критики в сторону автора и привело к его продолжительному конфликту с властями. В 1929 году он написал роман «Чевенгур», а спустя ещё год – повесть «Котлован», о которой и пойдёт речь в данной работе. Эти произведения, ныне столь любимые критиками и исследователями, не увидели свет при жизни писателя, и впоследствии были изданы лишь после смерти самого писателя.

В повести изображена эпоха строительства социалистического общества, начало коллективизации, формирование нового порядка жизни; на их фоне автор затрагивает такие проблемы, как поиск смысла жизни, будущее общечеловеческое счастье, вопрос о приемлемости применения насилия на пути к достижению цели. В данной работе я буду

систематизировать ключевые моменты различных мотиваций персонажей, интерпретировать символическое значение, вложенное в образ каждого из них. Внимание будет уделено и обстоятельствам окружающего мира повести; то, каким образом описание времени и пространства выражает определённые мотивы. Также в работе будут проводиться параллели и с биографией самого писателя — на основании материалов его писем, публикаций и воспоминаний современников. И хотя в настоящий момент не существует какой-либо целостной типологии героев Платонова, в своей работе я буду использовать материалы работ других исследователей, занимавшихся рассмотрением персонажей и их концептуализации, анализом их значения. В большинстве случаев сущность персонажей повести рассматривается в более широком, экзистенциальном смысле; я же постараюсь определить их идентичность в более узком смысле, с точки зрения их отношений с системой и идеологией, разделяя их на две основные категории. Так, целью этой работы является попытка охарактеризовать героев повести «Котлован» с точки зрения их отношений с властью и государством.

Таким образом, в первой главе будет дан общий контекст, связанный с историческими и культурными обстоятельствами написания повести, некоторые ключевые моменты биографии писателя, с моей точки зрения важные для понимания его творчества, параллели с другими его произведениями. При систематизации уже существующей типологии героев будут задействованы работы таких исследователей, как Л. Фоменко, В. Эйдинова, Н. Корниенко, Н. Малыгина, и др.

Во второй и третьей главах будут подробно описаны герои повести с точки зрения их отношений с государством и окружающим миром, при этом будет использоваться книга историка и публициста Михаила Геллера «Машина и винтики», в которой подробно описывается процесс формирования так называемого «советского человека». Я проанализирую символическое значение, вложенное в образ и имя каждого героя; в качестве примера будут упомянуты также примеры из литературы эпохи 20-х и 30-х годов и намечены сравнения с характерными типажамми того времени.

Среди цитируемых авторов присутствуют публицисты, писатели, филологи и многочисленные исследователи: как современные, так и из прошлых эпох, что даёт возможность ознакомиться с большим диапазоном различных мнений и провести более полноценный анализ; по этой причине в работе приводится множество цитат, что, с моей точки зрения, важно для понимания контекста. Каждую главу завершает вывод, представляющий из себя несколько подводящих итог пунктов. Выводы глав суммируются в

заклучении работы.

Глава 1.

Исторический и литературоведческий контекст.

И хотя работа будет посвящена в первую очередь типажам героев в повести «Котлован» для более полного понимания творчества писателя, на мой взгляд, необходимо ознакомиться с историческим контекстом, в котором его произведения создавались. Начиная с 30-х годов двадцатого века, имя Андрея Платонова всячески старались вычеркнуть из истории русской литературы. Лишь в конце 50-х годов некоторые произведения писателя были изданы вновь, однако к тому моменту имя Платонова уже было неизвестно большинству читателей. Впоследствии, однако, обнаружилось, что уничтожение памяти о писателе происходило не только по указаниям высшей партийной власти, но в том числе и по инициативе литературных "активистов". Платонов он пользовался не официально санкционированным, а подлинным авторитетом среди писателей. Это задевало "идеологических надсмотрщиков" (термин, использовавшийся Платоновым)¹ над литературой. Именно они и сыграли особую роль в судьбе писателя.

Организаторы Российской ассоциации пролетарских писателей ещё в 1923 году заявили о необходимости подчинения литературы партийной идеологии. Руководитель этой организации Л.Авербах поддерживал личные контакты со Сталиным. В 1929 году он написал разгромную статью о рассказе Платонова "Усомнившийся Макар", в которой рассказ был назван "идеологическим отражением сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии"². После этой статьи за Платоновым навсегда утвердилась репутация идеологически враждебного писателя. Статья послужила началом травли Платонова, после чего последовала серия разгромных выступлений критиков. К тому моменту большинство журналов отказывалось печатать произведения Платонова, однако рассказ "Усомнившийся Макар" был напечатан в журнале "Октябрь", редактором которого был тогда А. Фадеев. По поводу этой публикации Фадеев писал видному деятелю партии Р. Землячке, что за рассказ ему "попало" от Сталина и "поделом", ибо рассказ "анархистский"³. На сталинском высказывании об анархизме Платонова была основана и статья Авербаха. Кампания травли Платонова с уничтожающей

¹ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.5

² Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.6

³ Там же

силой возобновилась в 1931 году. И вновь Фадеев оказался причастен к появлению на страницах журнала "Красная новь" платоновской "бедняцкой хроники" "Впрок". Сатирическая повесть о коллективизации вызвала страшный скандал, подробно зафиксированный свидетелем В. А. Сутыриным, который в то время был генеральным секретарём ВАППа. Сталин собрал в Кремле всех, ответственных за ведение журнала. В присутствии членов Политбюро шел разговор о хронике Платонова. Сталин назвал повесть "кулацкой" и "антисоветской". С его слов Фадеев написал статью "Об одной кулацкой хронике"⁴, в которой Платонов был заклеимён как идеолог кулачества. За последующие десять лет Платонову удалось издать лишь единственную книгу "Река Потудань". И хотя изначально рассказ был издан в сборнике платоновской прозы, которому и дал название, позже и он был раскритикован и изъят из печати.

Главными героями этой повести являются молодые люди, Никита и Люба. Никита – красноармеец, вернувшийся с гражданской войны в родной дом к старику-отцу, который давно овдовел. Еще до гражданской войны, вдовец хотел жениться на одинокой учительнице, у которой была дочь Люба. Никита, придя с войны, случайно встречает выросшую Любу, которая живёт одна, и, хотя живёт бедно, пытается выучиться и стать врачом. Никита влюбляется в девушку, приходит к ней и приносит продукты. Однажды, когда Никита заболел, Люба привозит его к себе домой на извозчике, и Никита внезапно понимает, что девушка потратила на проезд свои последние деньги. Когда молодой человек выздоровел, они поженились. Позже, однако, Никита был настолько переполнен своими чувствами, что не мог обрести «мощь в постели». Отчаявшись, он решил утопиться в реке Потудани, чтобы избавить молодую жену от пустой жизни с несостоявшимся мужем. Не найдя в себе мужества умереть, он устраивается у базарного сторожа, и живёт у него, пока его не находит отец. Тот рассказывает ему, что Люба тоскует о нем, что она тоже ходила топиться, но ее спасли. Впоследствии Люба выживает, а Никита обретает мужскую мощь: «Он пожелал её всю, чтобы она утешилась, и жестокая, жалкая сила пришла к нему. Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любой более высшей радости, чем знал её обыкновенно, — он почувствовал лишь, что сердце его теперь господствует во всем его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением». Так, в финале пара обретает счастье.

Так, повесть очень проста и лирична, и почти лишена сцен, характерных для опального творчества Платонова. Кроме того, в повести «Река Потудань» Платонов был одним из первых советских писателей, обративших внимание на глубину и внутреннюю жизнь бедных

⁴ Там же

и неграмотных слоёв населения. Однако, вскоре после издания сборника, в журнале «Звезда» появилась статья под названием «Фальшивый гуманизм» за авторством Бориса Костелянца, в которой он следующим образом отозвался о повести: «Есть неудачные книги, в которых все же видно стремление понять нашу современность, показать, чем живёт советский человек в нашу героическую эпоху. Причислить к ним книгу А. Платонова нельзя <...> Под прикрытием внешнего правдоподобия, а нередко и без этого прикрытия автор настойчиво, от рассказа к рассказу, навязывает нашей современности чуждые ей конфликты, нашим людям — несвойственные им страдания и „радости“. Платонов в своём творчестве касается значительных и важных тем. Он пишет о преодолении одиночества, о дружбе, любви, жизни и смерти. Однако в своей трактовке названных тем А. Платонов идёт не от глубокого проникновения в сущность новых, складывающихся в нашей стране человеческих взаимоотношений, а от дурных традиций декадентской и индивидуалистической литературы»⁵. Так, по мнению критики сталинской эпохи, повесть оказалась несоответствующей идеалам социалистического общества.

До середины 1980-х годов издавалась лишь строго ограниченная часть произведений Платонова, допущенная в свет во времена "оттепели". Главные произведения Платонова — роман "Чевенгур" и повесть "Котлован", — дождались публикации только в конце 80-х годов. Повесть «Котлован», о которой пойдёт речь в этой работе, была написана 1930 году. В основе сюжета лежит идея постройки «общепролетарского дома», который станет началом целого города «счастливого будущего». Используя философский, сюрреалистический образ, гротеск и сатиру на СССР времен коллективизации и индустриализации, Платонов обнажает проблемы своего времени, показывая бессмысленность и жестокость тоталитарного режима, как и невозможность прийти к светлому будущему путем радикального уничтожения всего старого. Платонов был одним из первых русских мыслителей, критиковавших коллективизацию и методы ее осуществления. Важным моментом, однако, является тот факт, что он, в отличие от многих писателей, критиковавших советский режим, никогда не эмигрировал.

Непосредственно повесть «Котлован», по своей структуре и затронутой тематике точно следует образчикам «производственной прозы» 1920-х годов. В пример можно привести роман Ф. Гладкова «Цемент». Главный герой романа, Глеб Чумалов, подобно

⁵ Б. Костелянец. Фальшивый гуманизм: [О сб. рассказов А. Платонова "Река Погудань"]. Журнал "Звезда" №2. 1938— С. 255.

Вошеву выбитый из колеи, возвращается после Гражданской войны домой, в родной посёлок при огромном заводе. Он не был там три года и по возвращении видит кругом разруху и голод. Завод, на котором некогда работали жители посёлка и сам Глеб, остановлен и заброшен, оборудование разворовывается, рабочие разводят коз и на оставшихся станках изготавливают на продажу зажигалки. Наблюдая за жизнью бывших рабочих, Глеб понимает, что исправить ситуацию их может только пуск завода. Впоследствии он призывает других коммунистов к работе по налаживанию поставки дров из леса. Глеб также привлекает к работе пожилого инженера, когда-то спроектировавшего и построившего завод. Рабочие принимаются за постройку бремсберга и за несколько дней почти заканчивают его, однако работа прерывается из-за атаки бандитов. Бандиты сначала убивают рабочих, потом нападают и разрушают бремсберг. Впоследствии, несмотря на все тяготы, работа завода была налажена. Так, роман изображает сам факт труда и производства цемента как связующее вещество для нового общества: заполненной оказывается как буквальная пустота заброшенного завода, так и фигуральная пустота в жизни людей. В повести Платонова, однако, труд рабочих не приводит ни к каким результатам, оставляя после себя лишь огромную яму, создавая таким образом деконструкцию типичного сюжета «производственного романа».⁶

И хотя тот факт, что произведение носит утопический характер в настоящий момент не вызывает сомнений, многие исследователи сходятся на том, что попытки истолковать сложность утопии Платонова оказываются крайне разнообразны, и зачастую отличаются несовместимостью суждений. Среди исследователей встречаются следующие определения:

- "мнимая реализация утопии" (Э. Маркштейн),
- "испытание утопии" (М. Геллер)
- "утопическая мистерия" (В. Чаликова),
- антиутопия (Н. Полтавцева, В. Верин, Б. Ланин),
- утопия (Ш. Золотоносов),
- метаутопия (Г. Гюнтер),
- "диалог утопии и антиутопии" (Б.Толстая-Сегал, Т.Лангерак, В.Ристер)⁷.

Современными литературоведами неоднократно предпринималась попытка

⁶ Seifrid, Thomas. A Companion to Andrei Platonov's "The Foundation Pit". С. 109

⁷ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.8

разработать также и типологию платоновских героев. Можно предположить, что на создание определённых типов в своих произведениях Платонова вдохновило в реальности окружавшее его общество (что видно, например, в посвящении к повести «Сокровенный человек»: «Этой повестью я обязан своему бывшему товарищу – Ф. Е. Пухову и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля»)⁸. Однако, что же такое «тип»? В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» представлено следующее определение: «Тип — в произведениях литературы и искусства образ, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определённой категории»⁹. Таким образом, представитель литературного типа является обобщением, не утрачивая при этом своей индивидуальности. Тип формируется на основании группы персонажей, объединённых по определённым критериям. Так, относящийся к какому-либо типу персонаж является собирательным образом, объединяющим в себе как общие, так и частные признаки: герой остаётся уникальным в своём контексте, оставляя за собой при этом обобщённые черты.

Другим важным моментом для анализа повести «Котлован» также является то, каким языком она написана, и какие выразительные средства в ней используются. Герои Котлована «ликвидируют» любовь, отказываются от «конфискации» ласк, «аннулируют» скорбь, ходят «в инстанцию» и сдерживают инициативу, боясь отклониться от генеральной линии. Из района к ним «спускают директивы», а в ответ они пишут «отчёты и рапорты». Поэтика повести построена на причудливом вплетении революционной риторики в описание быта. Так появляются «уроды империализма», «шкура капитализма», «обобществлённые лошади», «пролетарская совесть», «социалистические дети» и «рассол социализма». В произведениях писателя прослеживаются микрсюжеты, которые создаются способом "реализации метафоры".

Далее мы рассмотрим различные ныне существующие варианты типологизации Платоновских героев, предлагавшиеся исследователями, чтобы выяснить, какие из них будут актуальны в данной работе. Л. Фоменко, например, считает, что герой Платонова «восходит к традиционному в русской литературе типу "маленького человека"». На мой взгляд, правдивость этого утверждения зависит от того, от какого определения «маленького человека» нам предстоит отталкиваться. Например, «Литературная энциклопедия» предлагает следующее определение: «ряд разнообразных персонажей в русской литературе

⁸ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 3

⁹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. Сост. Николюкин А.Н. Москва: Интелвак, 2001. с.1074

19 в., объединённых общими признаками: низкое положение в социальной иерархии, бедность, незащищённость, что обуславливает особенности их психологии и сюжетную роль – жертвы социальной несправедливости и бездушного государственного механизма, часто персонифицированного в образе "значительного лица". Им свойственны страх перед жизнью, приниженность, кротость, которая, однако, может соединяться с ощущением несправедливости существующего порядка вещей, с уязвлённой гордостью и даже кратковременным бунтарским порывом, как правило не приводящим к изменению сложившейся ситуации»¹⁰. С этой точки зрения, подвести героев повести «Котлован» под типичное определение «маленького человека» становится трудно. Кроме того, на мой взгляд, проза Платонова носит скорее философский характер. В сравнении с типичным «маленьким человеком» из реалистической литературы 19-го века, который становится жертвой «социальной несправедливости» со стороны государственного аппарата, герои Платонова сталкиваются с несправедливостью в более масштабном, экзистенциальном смысле. Повесть изобилует философской лексикой экзистенциального характера и имеет характер притчи, где главный герой занят мучительным поиском смысла жизни, который также выступает как истина, счастье и «общий план жизни». Об этом я упомяну далее в работе.

Помимо того, попытки разработать типологию платоновских героев предпринимались в работах Л. Фоменко, В. Скобелева, В. Эйдиновой, Н. Корниенко, Б. Яблокова. Центральным героем творчества Платонова многие исследователи считают "сокровенного человека", по своему происхождению связанного с концепцией "естественного человека", а также с уже упоминавшимся ранее традиционным в русской литературе типом "маленького человека". Определение «сокровенного человека» отсылает к одноимённой повести¹¹ Платонова относящейся к её главному герою, - Фоме Пухову. Пухов же в повести живёт по каким-то своим природным законам, плохо сочетающимся с законами социальными. Фома не только себя чувствует частью природы, не более важной, чем «умершие на зиму травы», но и всю природу воспринимает как личность, она для него антропоморфна. Природа противопоставлена истории и злым силам «свирепого мирового вещества»¹², которые «треплют и морят»¹³ людей. Личность Пухова совершенно неудобна

¹⁰ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006.

¹¹ «Сокровенный человек» (Прим. авт.)

¹² Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. Стр. 24

¹³ Там же

новой власти, как и любой власти в принципе. С точки зрения Пухова, жить надо не по чужой указке, а по велению сердца, всё проверяя на собственном опыте. В этом случае Платонов наделил героя говорящим именем, отсылая нас к Фоме из Библии, которому было необходимо вложить руки в раны от гвоздей, чтобы поверить в смерть и воскресение Иисуса. Фома Пухов из повести "Сокровенный человек", так же как и Воцев из повести "Котлован", противостоят «опасности расчеловечения людей»¹⁴. Главной их заботой является сохранение души, лишившись которой человек превращается в "ветхое животное".

Это определение напрямую пересекается с понятием «естественного человека», существующего в философии и теологии. Согласно определению, «Естественный человек – гуманистическое представление о человеке, согласно которому природа человека изначально добра и она - одинакова у всех людей, независимо от веры, культуры, эпохи, страны и пр.»¹⁵ Н.М. Малыгина при этом утверждает, что основные типы героев платоновского творчества связаны с представлениями писателя об эволюции так называемого "природного вещества" от низших его форм к высшим. В такой системе мировосприятия человек является частью природы, однако развитие в нём человеческих качеств приводит в итоге выделению человека из неё — "прогресс человечности". Один из распространённых в платоновском мире типов персонажей — "естественный человек", представляющий собою единое целое с природой, отличается "сонным" сознанием, "засыпанным песком существования". Таким образом, Платонов не идеализирует "естественного человека", видя в нем скорее «существо, низведённое до уровня биологического выживания, неспособное осознавать своё место и назначение в окружающей действительности».¹⁶ Такое состояние человека Платоновым преподносится как пограничное между жизнью и смертью. Платоновские герои такого типа живут "нечаянно", только благодаря своему рождению, и в любой момент могут умереть, "забыв" о необходимости поддерживать своё существование. Нередко персонажи такого типа сравниваются у Платонова с рабочей скотиной: Филат из повести "Ямская слобода" с лошадью, а мужики из "Котлована", подвергнутые насильственной коллективизации, со стадом обобществлённых лошадей.

¹⁴ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.41

¹⁵ Л. И. Василенко. Краткий религиозно-философский словарь. Москва, Искусство и образование, 2013

¹⁶ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.26

Исходя из этого наблюдения, важным для нас также является следующее замечание В. Скобелева: в произведениях Платонова отсутствует идеализация "естественного" человека, и в то же время у платоновских героев наблюдается особый характер взаимоотношений. У писателя нет "положительных" и "отрицательных" персонажей, поскольку и тех, и других он наделяет и положительными, и отрицательными чертами.¹⁷

И. Савельзон выделяет у писателя три архетипа — герой-странник, герой-труженик и герой-хранитель памяти¹⁸. Помимо упомянутых образов, исследователь Е. Яблоков выделяет также еще два дополнительных типа, которые можно обнаружить среди женских персонажей: это образ, являющийся олицетворением «Мировой Души» и образ «гармонической личности».¹⁹

Так, Н. Малыгина выделяет четыре основных типа героев Платонова:

- «естественный» человек, не выделяющийся из природы;
- «сверхчеловек», присвоивший себе право глобального переустройства природы;
- «спаситель», восходящий к идеалу Христа-спасителя;
- «странник», «сокровенный человек», ищущий гармонии с миром

В дальнейшем Н. Корниенко дополнила существующую типологию, выделив «умствующего» и «сомневающегося» героев.

Центральный тип платоновского героя в данном случае определяется как "умствующий" естественный человек, выражающий собой самосознание русской интеллигенции. По ее наблюдениям, "сирота, странник, мастер, герой, юродивый, вредитель <...> это ипостаси так называемого "сокровенного человека", уже упоминавшегося выше.

И, наконец, ещё одним немаловажным типом в творчестве Платонова является образ ребёнка. Ребёнок, в понимании А. Платонова, - это «вещество создания», «всемирный

¹⁷ Скобелев В. О народном характере в прозе А.Платонова 20-х годов. Творчество А. Платонова. Воронеж. 1970. С. 65.

¹⁸ Кириллова И.В. Типология героев Платонова. Известия ВГПУ, 2007, №5, с. 119.

¹⁹ Кириллова И.В. Типология героев Платонова. Известия ВГПУ, 2007, №5, с. 120.

элемент», «вечная надежда»; ребёнок «связывает людей в единое родство»; «дети - это время, созревающее в свежем теле», в них живёт «первоначальная непорочность человечества».²⁰

С моей точки зрения, наиболее важными типами из тех, что уже были представлены выше, для данной работы являются типы «естественного» человека, «сверхчеловека», «сокровенного человека». В то же время, учитывая роль государства в жизни героев и мироустройстве произведения Платонова, мне бы хотелось дополнить существующую типологию двумя новыми собирательными типами. Молодой на тот момент Советский союз, после испытаний революции и гражданской войны, нуждался в новых героях - как в реальной жизни, так и на страницах литературных произведений. Подвиги челюскинцев, стахановцев, и других героев пролетариата, демонстрировали всей стране примеры мужественного служения Отечеству. Эти герои-энтузиасты вместе с миллионами других энергичных строителей будущего, искренне увлечённых новой идеей, могут рассматриваться как представители нового типа человека – советского человека, «нового человека» советского общества. О таких людях много писал и Платонов. Таким образом, в искусстве 1920-х формируется новый тип персонажа — назовём его «новый человек». Идеализированный рабочий становится типичным протагонистом в произведениях уже упоминавшейся «производственной прозы».

Главной политической задачей, стоящей перед властью, является создание качественно «Нового человека», отвечающего всем строгим идеологическим критериям и установкам. Противники её — буржуазия, духовенство, кулачество — подлежат ликвидации. Этому, в ретроспективе, свидетельствует следующая цитата, относящаяся к более поздней исторической эпохе: «Все согласны в главном - идёт, с первых дней революции, процесс формирования нового человека. Мнения расходятся только о степени приближения к цели. На протяжении минувших десятилетий модель Советского человека менялась. В 20-е годы в ходу была модель революционера-разрушителя старого мира: железные комиссары, стальные чекисты. Ей на смену пришел созидатель Нового мира: "индустриальный человек", "научно-организованный человек" (НОЧ), "усовершенствованный коммунистический человек" (УСКОМЧЕЛ) - строитель утопии, от которого требовалась идейность, но также энергия, инициатива. Сталин провозгласил окончательный идеал - винтик: советский человек должен чувствовать себя винтиком гигантской машины государства. <...> Внешние различия

²⁰ Там же.

модели скрывали единство содержания. Целью было и есть создание инструмента для строительства нового мира».²¹

Установка на создание «Нового человека» означает приговор Старому миру и тем людям, с которыми он ассоциируется: «<...>малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчахшие люди забытого времени».²² Возникает дихотомия «нового» и «старого» человека – первые нужны и полезны Государству, в то время как вторые воспринимаются либо как бесполезные, либо откровенно вредоносные и подлежащие уничтожению.

Таким образом, далее в работе будет использоваться как и уже существующая типология, так и разделение героев согласно принадлежности к «старому» или «новому» миру. В следующей главе мы уделим внимание так называемому «старому человеку» в мире «Котлована».

²¹ Михаил Геллер. Машина и винтики. История формирования советского человека. Москва "МИК", 1994. с. 10.

²² Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 2. Стр. 9.

Глава 2.

«Старый человек» в мире «Котлована».

Итак, для начала нам предстоит разобраться с вопросом: что же из себя представляет так называемый «Старый мир», и, соответственно, человек, к нему относящийся и являющийся его олицетворением?

Октябрьская революция открыла новую эру в развитии России. Впервые в истории страны произошла революция, целью которой был не только захват власти, „государственной машины" по выражению Ленина, но создание идеального общества, неиспытанной ранее политической, экономической и социальной системы. Для осуществления поставленных целей было необходимо также создать и принципиально новую единицу общества — человека нового мироустройства, работа которого будет способствовать построения новой системы. Зачастую поставленные партией цели достигались не самыми гуманными методами, которые являлись не только «перегибами», но и, в сущности, частью замысла: „Пролетарское принуждение во всех своих формах начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи"²³.

В 30-е годы главное место в официальной литературе заняли темы социалистического строительства. Основной задачей писателей стал показ труда советских людей и его влияния на формирование нового сознания и морали советского человека. Главными героями произведений литературы такого типа стали рабочие, крестьяне, интеллигенция, строящие социализм. Говоря словами М. Горького, в центр советской литературы встал «социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда»²⁴. Публицист М. Геллер приводит следующее определение принципов и моделей формирования нового типа человека в условиях нового советского порядка: «Великий писатель Андрей Платонов, еще в 20-е годы, предупреждал о начавшемся процессе творения „государственного жителя“. Каждая из моделей Советского человека

²³ Михаил Геллер. Машина и винтики. История формирования советского человека. Москва "МИК", 1994. с. 7.

²⁴ Горький М. Две пятилетки // Правда, №98, 1935. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-10.htm> (дата обращения: 20.11.2022)

содержит как основную черту — чувство принадлежности к государству, ощущение себя частицей, „винтиком“ государственной машины, членом коллектива».²⁵

Евгений Замятин через три года после революции в романе «Мы» описал государство будущего, в котором отношения между человеком и системой определены математически точно: «... Две чашки весов: на одной грамм, на другой — тонна, на одной „я“, на другой — „Мы“, Единое государство. <...> Отсюда распределение: тонне — права, грамму обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны». Замятин демонстрирует крайне важный закон формирования Нового человека: для достижения цели — создания инструмента строительства Нового мира — необходимо не только желание руководителей расплавить „граммы“ в „тонну“, но и желание руководимых — „граммов“ — влиться в „тонну“, врати в коллектив. Успех операции по выведению нового типа человека зависит от степени готовности отказаться от „я“, от интенсивности содействия процессу, который в 30-е годы обозначался в Советском Союзе металлургическим термином — „перековка“. Из этого следует, что любым элементам, не вписывавшимся в новую доктрину, предстояло быть сброшенными с „парохода современности“²⁶.

Так, к числу таких героев можно отнести непосредственно главного героя Вощева, а также Прушевского, Чиклина, Настю и инвалида Жачева. Все эти герои оказались в данном положении в силу различных причин.

Жачев — инвалид первой мировой войны, безногий калека, передвигающийся на тележке: «<...> у калеки не было ног — одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсечённой ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые скупотверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись десны, произнося неслышные мысли безногого»²⁷. Жачев ненавидит всех «интеллигентов» и «буржуев». Он каждую неделю ездит к чиновнику Пашкину за очередной порцией продуктов («за своей долей жизни»), однако, эти продукты

²⁵ Михаил Геллер. Машина и винтики. История формирования советского человека. Москва "МИК", 1994. с. 11.

²⁶ Там же

²⁷ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 5

он не использует по назначению, а переводит их лишь для того, чтобы «лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело»: «<...> вдалеке скрипела тележка Жачева — по этому скрипящему признаку все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет, ибо Жачев всегда смазывал свою повозку именно сливочным маслом, получаемым в свёртках от достаточных лиц»²⁸.

Жачев, как и большинство героев повести, является сторонником революции. Он с нетерпением ждет строительства нового общепролетарского дома и верит в наступление новой жизни. Жачев ненавидит не только партийную и профсоюзную бюрократию, но и «рвущуюся вперёд сволочь», что стремится занять руководящие посты. Когда Козлов хотел покинуть земляные работы, чтобы «следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта», Жачев нанёс ему мощный удар в живот, от которого тот потерял «на минуту желание наибольшей общественной пользы»²⁹.

Так, Жачев испытывает сочувствие и солидарность по отношению к рабочему классу, и своими действиями выражает неприязнь и протест против, по его мнению, угнетателя: «Чиклин боялся, чтобы Жачев не обижался на помощь и ел кашу с тем сознанием, что она уже ничья и её все равно вышвырнут. Жачев и прежде, когда Чиклин работал на прочистке реки от карчи, посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса, чем рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье»³⁰. При этом он, хотя и испытывает ненависть к Пашкину, которого считает «сволочью», не понимает, ради чего вообще идет строительство: «<...> меня нахождение сволочи мучает, и я хочу спросить у тебя, когда вы состроите свою чушь, чтоб город сжечь!»³¹

Жачев уверен, что новое общество может быть построено только лишь детьми, в то время как рудименты старого времени должны быть уничтожены: увидев сироту Настю, герой решает, что «как только эта девочка и ей подобные дети мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности; он один знал, что в СССР немало населено сплошных врагов социализма, эгоистов и ехидн будущего света, и втайне утешался тем, что убьёт когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое

²⁸ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 18

²⁹ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 23

³⁰ Там же

³¹ Там же

сиротство»³². Поэтому, когда Чиклин поручает ему важное задание – «ликвидировать кулаков вдаль», Жачев вместе с Прушевским и Настей отправляется в колхоз, где он с радостью сплавляет раскулаченных по реке на плоту. Однако вскоре Настя простужается и начинает болеть. Жачев и Чиклин привозят ее обратно на котлован, но спасти девочку уже не удаётся. После смерти Насти Жачев сообщает Чиклину, что больше не видит смысла в существовании: «...я урод империализма, а коммунизм – это детское дело, за то я и Настю любил... Пойду сейчас на прощанье товарища Пашкина убью. И Жачев уползает в город, более уже никогда не возвратившись на котлован»³³.

Здесь же можно вспомнить раннее стихотворения Платонова из его дебютного поэтического сборника «Голубая глубина» (1922): «Лопнули мускулы. /Смерть человеку – /Брошен в колодезь последний калека, /Душу живую машина рассекла»³⁴. Жачев, как и миллионы советских инвалидов Революции, Первой мировой, и Гражданской войны, скорбно доживал свою когда-то героическую, но теперь уже бесполезную жизнь на грубо сколоченных деревянных тележках на подшипниковом ходу. Поэтому, избавившись от деревенских кулаков, Жачев вовсе не почувствовал облегчения, а лишь осознал, что подобная участь в сущности ожидает и его: «<...> он, Жачев, скорее погибнет как уставший предрассудок. <...> Ведь слой грустных уродов не нужен социализму, и его вскоре также ликвидируют в далёкую тишину».³⁵

Жачев является персонажем, который оторван от прошлого, не имеет места в будущем, и потому остается своего рода атавизмом в настоящем. Так, Жачев однозначно является человеком „старого времени“, и может быть отнесён к типу „естественного человека“ – низведённого до уровня биологического выживания, выполняющего свои ограниченные функции. (см. Глава 1 стр. 14)

Другим характером обладают такие герои, как Прушевский и непосредственно главный герой Воцев. Они относятся к типу «сокровенных людей», занятых поиском истины и смысла существования, стремящиеся достичь гармонии с миром. Герои настолько похожи друг на друга по своей сути, что в какой-то момент Прушевский предполагает, что Воцев — его двойник: «Воцев <...> томимый своей последовательной тоской, спросил: — А вы не

³² Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 29

³³ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 65

³⁴ Андрей Платонов. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Москва, 1998, «ImWerdenVerlag», 2002, с. 20

³⁵ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 52

знаете, отчего устроился весь мир? Прушевский задержался вниманием на Воцеве: неужели они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоешками <...>³⁶. Воцева действительно многое сближает с автором проекта здания светлого будущего: оба страдают от "неистинности" жизни, понимания, что люди живут бессмысленно; стремятся спасти и сохранить хрупкую человеческую жизнь. Воцев собирал и "сберегал всякие предметы несчастья и безвестности", Прушевский же строил дом, призванный, по его задумке, "охранять людей". Так, Прушевский является инженером и одним из руководителей стройки и автором идеи "общепролетарского" дома, куда, после постройки, должны будут переселиться все пролетарии города.

Для него характерно чувство сопереживания людям, и в то же время постоянное чувство одиночества: «он любил тогда следить за прохожими мимо; иные ему нравились, и он жалел, что не все люди знакомы между собой»³⁷. Прушевский тяжело переживает своё одиночество, и в попытке справиться с ним даже пытается сблизиться с землекопами, и однажды даже приходит ночевать в их барак, но его поступок вызывает осуждение наиболее бдительного из них Сафронова, нередко пишущего доносы на окружающих. Таким образом, место близких людей в жизни Прушевского занимают наука и труд: «<...> теперь же ему хотелось непрерывно заботиться о предметах и устройствах, чтобы иметь их в своем уме и пустом сердце вместо дружбы и привязанности к людям. Занятие техникой покоя будущего здания обеспечивало Прушевскому равнодушие ясной мысли, близкое к наслаждению, — и детали сооружения возбуждали интерес, лучший и более прочный, чем товарищеское волнение с единомышленниками»³⁸.

Кроме того, инженер по сей день с тоской вспоминает девушку, которую видел лишь мельком: «Одно же чувство было живо и печально в нем до сих пор: когда-то, в такой же вечер, мимо дома его детства прошла девушка, и он не мог вспомнить ни ее лица, ни года того события, но с тех пор всматривался во все женские лица и ни в одном из них не узнавал той, которая, исчезнув, все же была его единственной подругой и так близко прошла не остановившись»³⁹. И тем не менее, точно сказать, была ли той самой незнакомкой умершая «буржуйка» Юлия, он не смог: «— Это не та, которую я видел в молодости, — произнес он.

³⁶ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 15

³⁷ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 16

³⁸ Там же

³⁹ Там же

И, поднявшись над погибшей, сказал еще: — А может быть, и та, после близких ощущений я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них»⁴⁰.

После того, как Пашкин отправил Прушевского в колхоз, где он занимался раскулачиванием, он отказался возвращаться к котловану и остался в деревне учить местное население: «Прушевский идти не захотел, сказал, что он всю здешнюю юность должен сначала доучить, иначе она может в будущем погибнуть, а ему ее жалко»⁴¹.

Прушевский изображен в "Котловане" героем, который ощущает себя обречённым, не видящим смысла в существовании. Во многом его судьба, как и остальной сюжет повести, имеет параллели с событиями из жизни самого Платонова. Например, в своих письмах к А. М. Горькому 1929-1934 годов Платонов писал: "Быть отвергнутым мучительно", "жить с клеймом классового врага невозможно", "мне тяжело". "Жить не только морально невозможно, но и практически нельзя. Все пути мною испробованы. Они оказались безрезультатными...". "Обычно я сам справляюсь со своей бедой и выхожу из трудностей, но <...> это делается немислимым, <...> труд и долгое терпение приводят не к естественному результату, а к безвыходному положению"⁴². Л. Шубин писал о том, что Платонов в 1926 году был по неизвестной причине отозван из Воронежского Губземуправления в Москву, в Наркомзем, после назначен в Тамбов, однако и оттуда он вскоре вернулся и окончательно оставил инженерную деятельность. Вдова писателя объясняла вынужденный и мучительный отказ Платонова от блестяще начатой карьеры инженера процессом Промпартии⁴³. Сам же Платонов в своих письмах жене писал: «Живу плохо. Сократил более 50 % своего штата. Идет вой. Меня ненавидят все, даже старшие инженеры (старые бюрократы, давно отвыкшие что-нибудь строить). Остатки техников разбрасываю по деревенской глуши. Ожидаю или доноса на себя, или кирпича на улице. Я многих оставил без работы и, вероятно, без куска хлеба. Но я действовал разумно и как

⁴⁰Интересно заметить, что в своих письмах жене Платонов пишет: «В любви человек беззащитен и идет на те унижения, на которые иду я ради тебя и Тютки. А следовало бы петлю на горло». Таким образом, непосредственно для Платонова любовь является тем, что дает надежду и волю к дальнейшей жизни — Прушевский же этого на данном жизненном этапе лишён.

⁴¹ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 63

⁴² Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.34

⁴³ Там же

⁴⁴ Дело Промпартии — организованный властью СССР крупный судебный процесс по сфабрикованным материалам по делу о вредительстве в 1925—1930 годах в промышленности и на транспорте, состоявшийся 25 ноября — 7 декабря 1930 года.

чистый строитель. А была грязь, безобразия, лодыричество, нашептыванье. Я сильно оздоровил воздух. Меня здесь долго будут помнить как зверя и жестокого человека. А где ко мне относятся лучше? Кто заслужил иного от меня отношения?»⁴⁵, что еще раз отсылает нас к образу Прушевского, которым, по его утверждению, все «пользуются», но «никто не рад».

Интересно взглянуть и на значение фамилии героя. Интересные мысли высказывает по этому поводу А. Харитонов: «<...> этимологически она связана с такими словами, *prosgusc* — порошить, пылить; *prosguna* — пылинка, а через них — с русскими пороша, порох, прах. В размышлениях Прушевского, в его характеристике особенно настойчиво звучат мотивы мертвой природы и смерти. Все мечты его и само возможное счастье связаны не с жизнью, а со смертью: "ему лучше было иметь друзей мертвыми, чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не оставить на дневной поверхности земли ни памяти, ни свидетелей, — пусть будущее будет чуждым и пустым, а прошлое покоится в могилах — в тесноте некогда обнимавшихся костей, в прахе сотлевших любимых и забытых тел"»⁴⁶.

Более того, Прушевский испытывает ощущение своей ненужности ещё потому, что к концу 20-х годов в стране усиливалось появившееся после Революции 1917 года враждебное и подозрительное отношение к интеллигенции. Н. Малыгина пишет об этом: «В 1928 году было открыто заявлено, "что отныне пролетариат приравнивает "спецов"⁴⁷ к "новой буржуазии", которую лишь на время "допустили <...> к участию в экономической жизни, <...> платя ей за науку дань", но не забывая, что в ее лице "имели опасного, коварного классового врага...". Инженер — одна из центральных фигур "Котлована". Детали его образа рассредоточены по всему тексту повести. Одно из первых его появлений: "Среди пустыря стоял инженер...", создает картину, обозначающую высокие цели деятельности Прушевского: на пустом месте создать "вечный дом" из стекла и бетона — подобие рая на земле, "дома-сада", который был в творчестве Платонова символом гармонического устройства мира»⁴⁸.

Прушевский действует из побуждения защитить людей от воздействия внешнего мира: "Начал тщательно работать над выдуманнами частями общепролетарского дома...", "<...>

⁴⁵ Андрей Платонов. «...Я прожил жизнь» (письма, 1920–1950 годы): ФТМ; Москва; 2016. с. 99

⁴⁶ Плач об умершем Боге: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». А.К. Булыгин, А.Г. Гушин. Im Werden Verlag. Москва-Мюнхен. 2004. с. 138. Режим доступа: <https://imwerden.de/publ-293.html> (дата обращения: 07.12.2022)

⁴⁷ «до 1917 г. я тоже был рабочим: литейщиком и электромонтером. А за революцию выучился и стал "спецом" (по-моему, это контрреволюционное слово)».

⁴⁸ Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.— с.36

обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища и почувствовал утешение от надёжности материала, предназначенного охранять людей, живших доселе снаружи". Однако, несмотря на все его усилия, действия Прушевского не имели успеха и обернулись катастрофой. Так, Прушевский, вопреки собственному замыслу, становится виновником уничтожения землекопов и смерти Насти.

Еще более неоднозначным персонажем является Воцев – главный герой повести. Уже в самом начале «Котлована» возникает конфликт, в котором он оказывается противопоставленным социальной системе: «В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчёт с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда»⁴⁹. С самого начала читателю очевидно, что основой конфликта Воцева с окружающей реальностью является его «задумчивость»: данное свойство прямо противоречит требованиям системы и ее представителей:

«— О чем ты думал, товарищ Воцев?

— О плане жизни.

— Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или в красном уголке»⁵⁰. Таким образом мы можем наблюдать, что действительность, окружающая героя, является структурой, своего рода механизмом, в котором каждому отведено свое собственное строго определенное место. Более того, «проработать план личной жизни» герою предлагается в клубе или красном уголке — местах, предназначенных для политической работы. Герой в целом постоянно поглощен различными размышлениями философского характера. В отличие от Прушевского, Воцев постоянно мечется: он то уходит в деревню, то возвращается снова на строительство с вестью об убийстве Сафронова и Козлова, то снова отправляется обратно вместе с Чиклиным. Герою не дает покоя мысль о том, что где-то есть что-то особенное, а он здесь живет в печали и никогда не сможет этого увидеть. Все это указывает на то, что образ Воцева относится к характерному для прозы Платонова типу "сокровенного человека", "героя-странника" (см. Глава 1, стр. 16).

Более того, сама по себе фамилия героя наделена определенным смыслом. Её можно интерпретировать несколькими разными способами: «воск», «вощенный», т.е. человек, абсолютно чуткий к воздействиям жизни, все вбирающий, подчиняющийся течению. Но

⁴⁹ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 3

⁵⁰ Там же

«Вощев» - это и «вотще», т. е. напрасно, тщетно, что намекает на его тоску, волю к поискам сложной истины. Фамилия Вощева с самого начала повести определяет логику его духовного пути – от надежды обрести «всемирную истину» к осознанию (после смерти Насти) тщетности общих усилий в достижении идеала.

Кроме того, важно заметить, что возраст Вощева – это возраст самого автора на момент написания произведения. По словам Н. Корниенко, «экспозиция повести несёт в себе и автобиографическое содержание... Осень 1929 года — год тридцатилетия самого Платонова — обозначилась в жизни писателя его конфликтом с мелиоративным отделом Наркомзема⁵¹»⁵².

Разбирая художественный мир повести, нельзя не упомянуть об особенностях её хронотопа. Начинается действие повести в самом конце лета: "в день тридцатилетия личной жизни" Вощева стояла жара, но уже начали опадать листья с деревьев. Более точных указаний на время событий в самом тексте нет, не упоминаются даже названия месяцев — упоминаются лишь названия времён года ("в начале осени", "пустынность осени").

Движение времени в "Котловане" происходит неоднородно. Время в повести то останавливается, то резко ускоряет ход. Раскулачивание "зажиточного бесчестья", высылка кулаков, и последующее празднование занимает один день, который при этом подробно расписан и заполнен множеством эпизодов. Остальные же полгода в повести словно сливаются в один монотонный день, лишенный каких-либо событий. Таким образом, произведение отсылает нас к историческим явлениям начала 30-х годов и наступающей вместе с ними сталинской эпохи, с сопутствующими ей событиями: коллективизация, строительство крупных зданий, борьба с врагами народа и т.п.

В «Котловане» дорога, по которой идёт Вощев, является отправным пунктом сюжета: вышедший с „небольшого механического завода“ Вощев „очутился в пространстве“, и дорога привела его к котловану общепролетарского дома, который и становится пространственным и смысловым центром произведения, и все дороги в повести будут вести именно сюда. Специфика художественного пространства повести состоит в отсутствии конкретики:

⁵¹ Народный комиссариат земледелия СССР — государственный орган СССР в ранге министерства, ответственный за планирование и руководство сельскохозяйственным производством СССР.

⁵² Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926— 1946) // Здесь и теперь. 1993. No1. С. 145.

отсутствуют описания окружающей среды, а населённые пункты (за исключением колхоза имени Генеральной Линии) не имеют названий.

Например, первая дорога, которую проходят все землекопы, ведёт из города на котлован: общепролетарский дом строится на окраине города. Другая дорога ведёт в колхоз имени Генеральной Линии, куда направляются рабочие для проведения раскулачивания. Герои повести все время переходят с места на место: из города присылают новую партию рабочих, Жачев ездит в город за продуктами к товарищу Пашкину, Сафронов и Козлов отправляются в деревню и т. д. Так, Воцев не просто перемещается между определёнными пунктами на карте, а „отправляется в дорогу“. Цель этого пути — не достижение заранее определённого места назначения, а поиск „душевного смысла“ всеобщего существования и истины, без которой „стыдно жить“. Наиболее важное свойство образа дороги в мире «Котлована» — это протяжённость её скорее во времени, чем в пространстве. Еще в начале повести становится известно, что, например, путь Воцева „лежал среди лета“. Странник Воцев проходит свою дорогу в вечном, бесконечном поиске смысла, и сам путь становится важнее, чем его конечный пункт. Из этого можно сделать вывод, что образ дороги в повести является символом поиска смысла жизни и ответов на философские вопросы, которые мучают главного героя.

Пространство "Котлована" не имеет определённых очертаний. Котлован постоянно расширяется вдаль и уходит вглубь; вначале он охватывает один лишь овраг, позже партийная администрация потребует его увеличения в четыре раза, а Пашкин приказывает увеличить котлован в шесть раз. Так, котлован лишь продолжал разрастаться в размерах, а здание будущего так и оставалось утопией. Сами же герои повести описывают котлован, как "пропасть под общий дом", которую можно рыть до бесконечности, и как еще в начале повести отмечает Чиклин в разговоре с Козловым: «так могилы роют, а не дома». Помимо того, у художественного пространства "Котлована" имеется парадоксальное свойство: с одной стороны, от начала повести к финалу пространство словно исходит из одной точки, расширяется, а затем вновь постепенно сужается. В начале повести Воцев "вышел наружу", и перед ним было "одно открытое пространство". В финале же на место "открытого пространства" приходит могила Насти — глубокая яма, в которую не сможет проникнуть "ни червь, ни корень растения, ни тепло, ни холод и чтоб ребенка никогда не побеспокоил шум жизни с поверхности земли". В итоге котлован, предназначенный для строительства утопического общепролетарского дома, превращается в бесконечно растущую могилу, поглощающую на своём пути все больше жизней.

Итак, отправившись странствовать, Воцев приходит в город, до вечера бродит по нему, а ночью засыпает на пустыре; однако его будит косарь, расчищающий площадку для нового строительства, и по его совету Воцев идёт в барак к рабочим, а утром вместе с ними отправляется копать котлован. Здесь платоновский странник становится свидетелем и участником строительства "здания социализма" в уездном городе и коллективизации в деревне. Попадая на стройку "общепролетарского дома" и оказавшись одним из землекопов котлована, Воцев надеется приблизиться к истине, которую он ищет, и получить возможность осуществить свое жизненное предназначение. Внутреннее ощущение своей жизненной задачи возникает у него в тот момент, когда он встречает детей — "сирот революции". Воцев чувствует ответственность за этих детей, видя их незащищённость и испытывая перед ними чувство вины⁵³.

Как известно, одним из принципиальных теоретических положений марксизма является идея об исключительной роли рабочего класса. Очевидно, Воцеву знакома эта идея, и потому он пристально и с надеждой всматривается в уснувших рабочих: «Воцев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно безответного счастья удовлетворённого человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза <...>». Впрочем, поработав несколько дней, герой вновь тоскует и говорит землекопам: «Говорили, что все на свете знаете, а сами только землю роете и спите! Лучше я от вас уйду – буду ходить по колхозам побираться: все равно мне без истины стыдно жить». Он думает: «Лучше б я комаром родился: у него судьба быстротечна».

Со временем Воцев «от истощения тяжёлым трудом» смиряется с тоской. Однако, когда он впервые видит приведённую Чиклиным девочку-сироту Настю, Воцев надеется, что «это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни, и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню». В образе девочки мы можем видеть персонификацию "социалистического поколения", которое упоминалось ранее. Более того, образ Насти олицетворяет собой будущее. Одно только имя девочки в контексте повести несёт глубокий смысл. С греческого языка имя Анастасия переводится как "воскресшая". Настя действительно однажды вернулась к жизни – Чиклин нашёл её в комнате, где умирает ее мать; замуравив эту комнату, он превратил ее в

⁵³ Платонов сразу показывает одно из главных качеств Воцева – любовь к детям. Этот герой советует супругам, которые постоянно ругаются: «Если вам нечем спокойно существовать, вы бы почитали своего ребенка – вам лучше будет».

склеп для умершей, а девочку привёл в барак к рабочим. Эту сцену можно интерпретировать, как символическую смерть прошлого и начало строительства будущего. С появлением Насти строительство котлована обретает прямой смысл для каждого: она – «фактический житель социализма».

Воцев продолжает работать на стройке с новой надеждой: "...здесь будет дом, и в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам <...> будущий человек найдёт себе покой в этой прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в простёртый, ждущий его мир". Как уже упоминалось ранее, Воцева многое сближает с автором проекта здания светлого будущего - Прушевским: оба страдают от "неистинности" жизни, понимания, что люди живут бессмысленно; стремятся спасти и сохранить хрупкую человеческую жизнь. Воцев собирал и "сберегал всякие предметы несчастья и безвестности", Прушевский строил дом, предназначенный "охранять людей".

Через некоторое время Воцев уходит со строительства в деревню, "скрывается в одну открытую дорогу". Тогда, ночуя вместе с Чиклиным, Воцев говорит ему: «Мне страшна сердечная озадаченность. Мне все кажется, что вдалеке есть что-то особенное или роскошный предмет, и я печально живу». После раскулачивания Воцев собирает по деревне "все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство – для социалистического отмщения, со скупостью копил в мешок вещественные остатки потерянных людей". После того как Чиклин убивает Активиста - председателя колхоза, Воцев занимает его место. Он говорит крестьянам: "Теперь я буду за вас горевать!" Однако через некоторое время Воцев и "весь колхоз" являются на котлован: по словам героя, "мужики в пролетариат хотят зачисляться". Увидев мертвую Настю, Воцев приходит в отчаяние и не понимает, "зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением".

Кроме того, Н. Малыгина пишет: «Автор первой рецензии на зарубежное издание "Котлована" обратил внимание на автобиографичность образов Воцева и Прушевского: "...В Воцеве автор передает нам свои ощущения — тоски, бесконечной грусти <...> Надо думать, что в какой-то мере Платонов вкладывает и в Прушевского, как и в Воцева, свои мысли и переживания"». Так, центральным мотивом в образе Воцева является протест против навязанного народу безмолвного, бессознательного, "механического" существования".

Таким образом, в категорию людей «старого времени» входят герои, по тем или иным причинам не сумевшие найти себе места в новом обществе, либо были обществом не поняты и отвергнуты. В частности, наиболее важными для нас являются образы инженера-Прушевского и странника-Вощева, которые имеют множество параллелей с жизнью самого писателя, события которой, очевидно, в значительной мере повлияли на сюжет произведения.

Глава 3. «Новый человек» в мире «Котлована»

Антиподом так называемого «старого человека», которому была посвящена предыдущая глава, является «новый человек». Михаил Геллер описывает процесс формирования данной категории людей следующим образом: «В ходе строительства советской системы, по мере ликвидации „нечистых“, отменялись привилегии бывшего класса-гегемона: формировалась группа руководителей, обладающих качествами Советского Человека, и масса руководимых, равных своим несовершенством и своим стремлением избавиться от „скверны“, ещё мешающей им стать совершенными»⁵⁴.

В это время в стране активно формировалась и набирала обороты практика написания доносов — жертвой которого пришлось оказаться и самому Платонову. Эти доносы, как правило, писались совершенно добровольно, а авторы их всегда относились к тому или иному социальному классу, которых сам Платонов разделял на такие категории, как «заместители пролетариата» — партийно-административная номенклатура, и «нормализованные работники» — обезличенная и манипулируемая властью часть народных масс. Сам же Платонов в одной из своих публицистических описывал формирование человека будущего следующим образом: «С первого вздоха два ребенка должны жить в разных условиях, соответствующих целям, для которых их предназначает общество <...> Значит, решение вопроса о трудовой нормализации членов общества — в их нарочном воспитании, искусственном изменении характеров, соответствующем производственным целям общества. <...> Дело социальной коммунистической революции — уничтожить личности и родить их смертью новое живое мощное существо — общество, коллектив, единый организм земной поверхности, одного борца и с одним кулаком против природы»⁵⁵.

Так, в тексте «Котлована» рассказчик неоднократно обращается к этой теме и делает особый акцент на таких присущих этим социальным группам негативных характеристиках поведения, как «потребность к жёсткому внешнему контролю сверху» и «страсть к доносительству». Одним из подобного рода героев в «Котловане» является Козлов, проделавший на страницах повести стремительный путь от обычного землекопа до заметного

⁵⁴ Михаил Геллер. Машина и винтики. История формирования советского человека. Москва "МИК", 1994. с. 26.

⁵⁵ Платонов А.П. Нормализованный работник // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ar.ru/publ/normalizovanniy-rabotnik/> (дата обращения: 06.12.2022)

советского чиновника, вся карьера которого была основана именно на его способности к доносительству.

В начале повести Козлов предстаёт перед читателем как худой, болезненный и угрюмый рабочий. По причине своей слабости и болезни он встал на инвалидную пенсию, однако, в отличие от того же инвалида Жачева, смог найти себе применение: «Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию, – сообщил Козлов. – Хочу за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта».⁵⁶ Несмотря на свою немощность, он верил в «наступление жизни после постройки больших домов» и боялся, что окажется в этой жизни «жалобным нетрудовым элементом» - именно это чувство заставляло его терпеть тяжелую жизнь в надежде, что он сможет «жить в будущем хотя бы маленьким остатком сердца». Он живёт той надеждой, которую поддерживают идеологи: Сафронов и Пашкин, и именно поэтому он так усердно работает: «Не в силах даже стоять, истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей тёплой силы в камень, который он рассекал, — камень нагревался, а Козлов постепенно холодел».⁵⁷

Знание различных идеологических клише и умение их применить является для Козлова эффективным инструментом достижения своих целей: «Каждый день, просыпаясь, он вообще читал в постели книги, и, запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюций, строфы песен и прочее, он шёл в обход органов и организаций, где его знали и уважали как активную общественную силу, — и там Козлов пугал и так уже напуганных служащих своей научностью, кругозором и подкованностью. Дополнительно к пенсии по первой категории он обеспечил себе и натурное продовольствие»⁵⁸.

Герой Козлова является воплощением важных тенденций СССР эпохи 20 — 30-х годов: «борьбы против социального вреда и мелкобуржуазного бунта» и «желания наибольшей общественной пользы». Козлов проделывает путь от «скота», живущего надеждой на светлое будущее, до важного официального лица, которое возит в автомобиле чиновник Пашкин. Само имя Козлова тоже несёт определённый смысл. Слово «козёл», как правило, указывает на самого презренного человека ("козёл отпущения"), ведь Козлов – вечно

⁵⁶ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 22

⁵⁷ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 12

⁵⁸ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 33

отстающий и самый жалкий землекоп, запас душевных и физических сил которого критически оценён Сафроновым: «Не переживёт он социализма». Кроме того, козёл отпущения - особое животное, которое, после символического возложения на него грехов всего народа, отпускали в пустыню. Это может быть намёком на то, что такие люди, как Козлов, были своего рода жертвой от лица государства, приносимой во имя идеи. "Козлом" также называют человека неприятного и подлого. Важно заметить, что Козлову присуща преданность «пролетарской вере»: он не терпит даже символических нарушений бюрократического порядка. Например, Козлов доносит Пашкину на Вощева по поводу отсутствия у него «путёвки с биржи труда», хотя тот и является единственным рабочим на котловане, сочувственно относящимся к Козлову. Более того, с практической точки зрения его донос является скорее вредительским, поскольку на стройке недостаёт рабочих. И так, получив от Пашкина отказ, Козлов начал «падать пролетарской верой» и «захотел уйти внутрь города, чтобы писать там опорочивающие заявления и налаживать различные конфликты с целью организационных достижений».

Козлов по своей сути является «новым человеком» новой системы, и ни на минуту не сомневается в том, чем он занимается, считая свою деятельность социально и политически полезной. Платонов отважился откровенно описать в «Котловане» этот «синдром поисков и разоблачения врагов народа», совсем не заботясь о собственной безопасности. Из высказываний самого автора можно предположить, что он не понаслышке был знаком с подобными людьми: «Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. <...> Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики»⁵⁹. Позиция Козлова, хотя и имеет в своей основе идеологические ориентиры эпохи, вызывает резкое неприятие со стороны артельщиков: для них это «установка на саботаж» — так думают как Чиклин, так и Сафронов. Но вот от Жачева он получает удар «молчаливой головой в живот», и в отношении к нему рабочих происходит резкая перемена: «<...> ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения...».

Сафронов же является профсоюзным активистом и одним из мастеровых, часто читающим нравоучения другим героям - именно он установил в бараке радио, которое призывает мобилизовать все ресурсы для социалистического строительства. Сам он слушал указания партии с почти религиозным фанатизмом, жалея лишь, что он «не может говорить

⁵⁹ Андрей Платонов. «...Я прожил жизнь» (письма, 1920–1950 годы): ФТМ; Москва; 2016. с. 144

обратно в трубу». Фамилия же героя является производной от имени Софрон, что в переводе с греческого означает «здравомыслящий», «благоразумный». Сафронов в «Котловане» — «наиболее активный из мастеровых», носитель «передового» сознания, проводник решений «генеральной линии». Но при этом мышление Сафронова крайне условно и поверхностно. Жизнь для него — не единое целое, а набор деталей, которые он соотносит с несложными идеологическими схемами. Например, Сафронов следующим образом выражает популярное в те годы слегка пренебрежительное отношение к интеллигенции и к самому умственному труду:

«Вощев уже наелся и встал среди сидящих.

— Чего ты поднялся?— спросил его Сафронов.

— Сидя, у меня мысль еще хуже развивается. Я лучше постою.

— Ну, стой. Ты, наверно, интеллигенция — той лишь бы посидеть да подумать»⁶⁰.

Жачеву и Вощёву радио не нравится, но Сафронов не позволяет выключать его, так как с его точки зрения необходимо «бросить каждого в раскол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы». Так, например, счастье — категория из мира духовных ценностей, Сафронову представляется как картина природы: «общая всемирная невзрачность, а также людская некультурная унылость озадачивали Сафронова и расшатывали в нем идеологическую установку. Он даже начинал сомневаться в счастье будущего, которое представлял в виде синего лета, освещённого неподвижным солнцем»⁶¹.

Позже, Козлов вместе с Сафроновым оказываются убитыми в деревне, куда они были отправлены, чтобы под их контролем «бедняк не остался при социализме круглой сиротой или частным мошенником в своем убежище». В ответ на новость об их смерти, Настя восклицает: «Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Ленин, Козлов и Сафронов. Привет бедному колхозу, а кулакам нет», а Жачев, несмотря на неприязненное отношение к данным героям, начал «плакать громадными слезами». Смерть героев становится скорее символическим толчком к продолжению коллективизации и оправданием жестоких методов, применяемых при ней. А. Булыгин пишет об этом следующее: «Для самого героя его "здравомыслие" оборачивается трагедией — смертью "в избушке". Однако идеи Сафронова переходят к его товарищам, которые усваивают их, перенимая и метафизическую, эмблематичную форму мышления их товарища, и его неумную агрессию. Не оттого ли

⁶⁰ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 8

⁶¹ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 18

утрачивают в конце «Котлована» смысл жизни герои, что Сафронов когда-то их уверил: — Ведь здесь ребенок теперь живет, иль ты не знаешь, что скорбь у нас должна быть аннулирована! Но ведь если ребенок умер, то скорбь опять воскресла?!»⁶² На примере Сафронова становится ясно, что трагичный финал повести является результатом не только дисгармонии всего мира, но и способа мышления, который предлагает эпоха: беззаветный энтузиазм в переустройстве мира и непоколебимая убежденность в правильности таких представлений не может быть сам по себе целью.

Во главе деревни, куда были отправлены строители для того, чтобы «начинать классовую борьбу против деревенских пней капитализма», стоит Активист. В отличие от всех остальных персонажей, этот герой не имеет ни имени, ни фамилии; читателю также не даётся никаких сведений о его семье или о его прошлом. В сущности, он является скорее персонификацией бюрократической системы и идеи активного служения на благо государства. Внешний вид Активиста также описан довольно скупо: описывается скорее психологическое состояние героя. Читателю он предстаёт как крайне нервный и измождённый человек: «тщательные глаза», «подозрительный взгляд», «истощённая нагрузками грудь».

Ни колхозники, ни руководство Активиста не любят и не уважают: «изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни — тогда он жалобно глядел на любого человека, находящегося перед его взором; это он чувствовал воспоминание, что он головотяп и упущенец, — так его называли иногда в бумагах из района»⁶³. Он старается управлять всем, что ему доступно, и стремится занести в отчетные документы даже незначительные события колхозной жизни. Активист же и осуществляет в селе политику сплошной коллективизации. Более того, он искренне верит и распространяет даже самые абсурдные лозунги, которые навязывает и другим, поскольку не хочет остаться «упущенцем»: «— Какие слова начинаются на «а»? — спросил активист.

Одна счастливая девушка привстала на колени и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума:

— Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист! Твердый знак везде нужен, а архилевому не надо!

⁶² Плач об умершем Боге: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». А.К. Булыгин, А.Г. Гуцин. Im Werden Verlag. Москва-Мюнхен. 2004. с. 125. Режим доступа: <https://imwerden.de/publ-293.html> (дата обращения: 07.12.2022)

⁶³ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 35

— Правильно, Макаровна, — оценил активист. <...>

— Зачем они твёрдый знак пишут? — сказал Воцев. Активист оглянулся.

— Потому что из слов обозначаются линии и лозунги и твёрдый знак нам полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твёрдый нам неизбежен: он делает жёсткость и чёткость формулировок»⁶⁴.

Интересно, что герой сравнивается с ребёнком, которым он является по отношению к вышестоящему начальству: «Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей»⁶⁵.

Именно Активист приказал соорудить плот, на котором было нужно сплавить по реке всех зажиточных крестьян и отчитаться перед начальством в точном исполнении мероприятий по сплошной коллективизации. Активист отправляет в район отчёт о ликвидации в деревне кулаков, надеясь на то, что успешное проведение «мероприятия» положительным образом отразится на его продвижении по службе. Однако повышения не последовало. Напротив, в новой директиве было сказано, что Активист «есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда».

В этом эпизоде показана настоящая оценка деятельности Активиста: будучи «изъятым из руководства», он перестаёт делать вид, будто его интересует благополучие его подчинённых. Он снимает с больной Насти свой пиджак – «раз его устраняют, пусть массы сами греются», за что впоследствии его убивает Чиклин. Так, Активист предстаёт перед читателем беспринципным человеком, готовым на любые поступки ради одобрения со стороны начальства.

Исследователь А. Булыгин отзываясь об этом герое следующим образом: «Активист — герой, с образом которого связан, помимо всего прочего, вопрос о религиозном сознании и его структуре. Этот фанатик, слепо верящий в Идею, готовящий для себя в «будущем вечность», является своеобразным символом новой власти. Казалось бы, положительными чертами в человеке можно назвать неподкупность, принципиальность, строгую

⁶⁴ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 42

⁶⁵ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 35

исполнительность, полное отречение от житейских благ. Но когда они служат антигуманной идее, то человек становится страшен, а деятельность его — противоестественна»⁶⁶.

В повести также демонстрируется процесс формирования и другого «нового человека». Помимо сравниваемого с ребёнком Активиста, в повести фигурирует настоящий ребёнок: «Жачев подъехал к Пашкину с девочкой на тележке и сказал ему: — Заметь этот социализм в босом теле. Наклонись, стервец, к её костям, откуда ты сало съел! — Факт! — произнесла девочка. Здесь и Сафронов определил свое мнение. — Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю — это ж наш будущий радостный предмет!»⁶⁷. Момент появления нового героя также "фиксируется" государственной системой: товарищ Пашкин ставит в записной книжке точку — своего рода символ взаимоотношений личности и государства. После смерти матери-"буржуйки" Настя "воскресла", чтобы "почувствовать когда-нибудь согревающий поток смысла жизни» и «увидеть время, подобное первому исконному дню».

Строители воспринимают девочку-сироту как «элемент будущего». Формирование нового типа сознания изображено следующим образом: Девочка осторожно села на скамью, разглядела среди стенных лозунгов карту СССР и спросила у Чиклина про черты меридианов: — Дядя, это что такое — загородки от буржуев? — Загородки, дочка, чтоб они к нам не перелезали, — объяснил Чиклин, желая дать ей революционный ум»⁶⁸.

Основные характеристики Насти — юность, отказ от буржуазного происхождения и сиротство — с разных сторон характеризуют молодую страну Советов. Более того, Платонов дает Насте практически те же определения, что и «дому», и связывает с ней те же виды на будущее — она так же является "веществом создания и целевой установкой партии"; "будущим радостным предметом", ради которого стоит жить; даже "фактическим социализмом".

Позже, после сплава кулаков Активист выставляет на крыльцо Оргдома рупор радио, и весь колхоз «под марш великого похода» начинает радостно топтаться на месте. Простудившись во время колхозной пляски, Настя тяжело заболевает. Таким образом получается, что народная радость по поводу «сплавления кулаков» - по сути, убийства, несёт

⁶⁶ Плач об умершем Боге: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». А.К. Булыгин, А.Г. Гуцин. Im Werden Verlag. Москва-Мюнхен. 2004. с. 37. Режим доступа: <https://imwerden.de/publ-293.html> (дата обращения: 07.12.2022)

⁶⁷ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 33

⁶⁸ Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. М. 1998. С. 27

в себе смертоносное начало. Так, уничтожение врагов не привело к желаемому результату, а напротив, погубило надежду на лучшее будущее.

Более того, во сне девочка видит мать: с момента своего превращения в «нового человека» она не вспоминала о матери. Однако в горячке Настя опять превращается в обычного ребёнка, избавляясь от всей «пролетарской мудрости»: «Я опять к маме хочу!». И там не менее, Настя погибает: «Мимо барака проходили многие люди, но никто не пришел проведать заболевшую Настю, потому что каждый нагнул голову и непрерывно думал о сплошной коллективизации <...>. Кругом беспрерывно нагнеталась общественная польза». Условная «общественная польза» становится источником гибели индивидуальности: так, в «Котловане» жертвой становится Настя, и вместе с ней и люди, видевшие в ней смысл своей жизни. Окружающий девочку «чужой мир» не был приспособлен «для зябнувшего детства», не был «нежен и тих», и она умерла. Смерть ребёнка - это гибель и настоящего, и будущего. Общепролетарский дом счастья не будет построен, поскольку в нем будет некому жить.

Важно отметить, что в речи и мышлении персонажей отражается идеологизация смерти. Настя говорит с умирающей матерью о классовых причинах ее ухода и о безвестности, которая наступает в смерти:

«— Мама, а отчего ты умираешь — оттого, что буржуйка, или от смерти?..

— Мне стало скучно, я уморилась, — сказала мать. <...>

— Как ты только умрёшь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет».

С точки зрения Насти смерть с одной стороны является не естественным, а классовым явлением, а с другой — ведёт к безвестности. Естественная смерть изображается как переход в новое состояние, и остановка времени, поскольку перестает меняться возраст человека. Смерть Юлии, например, описывается следующим образом: «Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла».

Козлов вместе с Сафроновым был выбран посланником в ближайшую деревню с той целью, чтобы просвещать неграмотных крестьян по поводу коллективизации и социализма, однако оба были сразу же убиты. Так, для Козлова смерть выступает в роли подвига и имеет положительную оценку с идеологической точки зрения. Поэтому, например, фраза „работать с энтузиазмом“ заменяется на „умереть с энтузиазмом“: «Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом».

Инженер Прушевский воспринимает смерть как закономерный результат тяжёлого труда на благо будущего, и следовательно своего рода вхождение в коллектив мёртвых, в котором достигнуто полное равенство и человек полностью лишён индивидуальности: «<...> ему лучше было видеть друзей мертвыми, чем живыми, чтобы затерять свои кости в общих костях и не оставить на поверхности земли ни памяти, ни свидетелей».

Все детали Настиной биографии, обстоятельства появления на котловане и смерть в аллегорической форме символизируют радикальный разрыв с прошлым и тревогу автора за будущее.

Помимо Активиста, в повести имеется ещё один персонаж, представляющий власть – председатель окружного профсоюза Пашкин. И в то же время он – низшее звено власти. Более высокая власть в повести никак не показана. Товарищ Пашкин часто приезжает на котлован, чтобы следить за темпом работ. «Темп тих, – говорит он рабочим. – Зачем вы жалеете поднимать производительность? Социализм обойдётся и без вас, а вы без него проживёте зря и помрётё». Пашкина больше всего заботит вопрос о том, что «темп строительства» затих и надо повышать производительность труда. Для этого он присылает дополнительную партию рабочих, привозит в барак землекопов радиорупор, чтобы «во время отдыха каждый мог приобретать смысл классовой борьбы из трубы». Именно Пашкин посчитал, что масштаб дома недостаточно велик и не сможет вместить всех желающих, и решил, что котлован необходимо увеличить не вчетверо, а в шесть раз.

Ещё в первые послереволюционные годы Б. Рассел охарактеризовал этот тип людей следующим образом: «Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убеждён, что корень всех зол — частная собственность; он настолько убеждён в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жестокими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранения коммунистического государства. Он щадит себя столь же мало, сколь и других. Он работает по 16 часов в день и отказывается от сокращения рабочего дня в субботу. Он добровольно берётся за тяжёлую работу... Обладая властью и контролируя снабжение, он живёт как аскет. Не преследуя личных целей, он устремлён к созданию нового социалистического порядка. Но те же мотивы, которые побуждают его к аскетизму, делают его и безжалостным»⁶⁹.

⁶⁹ Плач об умершем Боге: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». А.К. Булыгин, А.Г. Гуцин. Im Werden Verlag. Москва-Мюнхен. 2004. с. 37. Режим доступа: <https://imwerden.de/publ-293.html> (дата обращения: 07.12.2022)

Также в повести фигурирует такой персонаж, как медведь-молотобоец, являющийся, к тому же, "самым угнетенным пролетарием". В произведениях Платонова не существует непреодолимой границы между человеком и животным. На примерах двух героев повести – непосредственно медведя и буржуйки-Юлии, можно наблюдать, что животное в мире «Котлована» может очеловечиться в благоприятных условиях, а человек — деградировать до уровня животного. Мать девочки Насти перед смертью стала похожа на "обрастающее шкурой животное", её ноги "были покрыты <...> шерстью". Медведь же, напротив, становится тружеником и даже приобретает имя: другие герои называют его "Мишей" или даже "Михаилом", и хотя он обладает способностью к производительному труду, он лишён самого главного – умения мыслить и, соответственно, говорить. Свойственна ему и звериная жестокость, как показано, например, в сцене раскулачивания: « <...> медведь поднялся с посуды, обнял поудобней тело мужика и, сжав его с силой, что из человека вышло нажатое сало и пот, закричал ему в голову на разные голоса — от злобы и наслышки молотобоец мог почти разговаривать». В описании молотобойца всегда присутствует парадокс: и хотя герой буквально является животным, Платонов использует характеристики, которые применимы исключительно к людям: медведь утирает своё "утомлённое пролетарское лицо", а Настя видит в нем "старого обгорелого человека"; кузнец обещает ему выпивку, и Миша понимает, что ему говорят, и выполняет команды, представляя таким образом, подобно Шарикову из "Собачьего сердца" олицетворение героя, порождённого экспериментами новой эпохи. , медведь оказался единственным героем, помимо Чиклина, пришедшим попрощаться с Настей во время её похорон — символически расставаясь со своим и всеобщим будущим.

Подводя итог, необходимо заметить, что параллельно с темой поиска истины, на протяжении всей повести раскрывается тема становления «нового человека». Однако и то, и другое начало неизбежно приводит в тупик, и заканчивается либо смертью — как это произошло с Козловым, Сафроновым или Настей, либо, — в случае Воцева, — духовной опустошённостью. Таким образом, заходит в тупик, ставится под сомнение и лишается всякого смысла и сама идея, во имя которой живут и работают герои.

Заключение

Так, Платонов описал сложный исторический период, когда его страна и современники находились в самом центре значительных перемен. В своей повести автор попытался продемонстрировать отношение разных типов людей к стремительно меняющимся условиям жизни, а также изменения внутри самих людей, принятие или неприятие ими перемен. Некоторые воспринимали новшества с искренним энтузиазмом, приспособившись к обстановке нового времени, другие же не могли или не хотели двигаться дальше. Каждый отдельный герой при этом символизирует ряд различных явлений.

В этой работе мы выяснили, что к той или иной категории персонажей можно отнести по разным признакам: в категорию людей «старого времени» в итоге вошли герои, которые по тем или иным причинам не смогли найти себе места в новом обществе. В первую очередь к числу этих героев относится странник-Вошев. Его поиски смысла существования и высшей истины привели его в тупик, заставив усомниться в существовании объектов поиска.

Таким образом, через систему персонажей я попыталась раскрыть тему отношений личности и государства в повести «Котлован». Главным тематическим планом в произведении являются исторические феномены индустриализации и коллективизации. В повествовании о том, как рабочие роют котлован под фундамент «общепролетарского дома», в котором в будущем должно будет счастливо жить новое поколение, автор использует сложную систему образов и поднимает многие сложные философские вопросы, такие как поиск и потеря смысла жизни, невозможность оправдания насилия даже ради высокой цели. Мы выяснили, что котлован – это не просто место действия в повести, но и символ провального строительства общего будущего участников строительства, могилой, которую каждый землекоп роет для себя. Проследив за каждым героем, за их поведением и мыслями, мы рассмотрели важные детали и особенности каждого из них.

В процессе строительства идеального общества масштабы котлована становились все больше и больше, достигнув впоследствии абсурдных величин, отчего энтузиазм эпохи первой пятилетки постепенно превратился в рытье собственной могилы. Появляющиеся на строительстве котлована землекопы работают с таким усердием, «будто хотели спастись навеки в пропасти котлована». Рытье фундамента «общепролетарского дома» и организация колхоза являются в повести Платонова воплощением идеи движения в будущее, символом

строительства той новой жизни, которая должна была даровать людям утопию. Но у тела умершей девочки Насти Воцев не только с горечью понял, что в этой великой стройке не найти ему истины и смысла жизни, но впервые усомнился в их существовании и возможности их скорого приобретения: «Воцев стоял в недоумении над этим утихшим ребёнком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убеждённом впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человечка, в котором бы истина стала радостью и движением?». Таким образом, он поднимает общечеловеческие вопросы.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что параллельно с темой поиска истины, на протяжении всей повести раскрывается тема становления «нового человека». Однако и то, и другое начало неизбежно приводит в тупик, и заканчивается либо смертью — как это произошло с Козловым, Сафроновым или Настей, либо, — в случае Воцева, — духовной опустошённостью. Итог строительства «будущего неподвижного счастья» — смерть ребёнка в настоящем и потеря надежды на обретение «смысла жизни и истины всемирного происхождения» в будущем. «Я теперь ни во что не верю!» — восклицает Жачев в конце повести, подводя итог. Как уже было сказано, основной задачей официальной советской литературы эпохи 1920-х была демонстрация труда советских людей и его позитивное влияние на формирование нового сознания и вклад каждого человека в коллективное будущее. Платонов же в своём произведении намекает читателю на противоположную мысль. Общее дело — строительство «общепролетарского дома», для каждого героя, вне зависимости от его отношения к власти, заканчивается того или иного рода трагедией и приводит в итоге в никуда.

Библиография

Литература:

1. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие.— М.: МПУ, 1995.
2. Seifrid, Thomas. A Companion to Andrei Platonov's "The Foundation Pit".
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Сост. Николюкин А.Н. Москва: Интелвак, 2001
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006.
5. Л. И. Василенко. Краткий религиозно-философский словарь. Москва. Искусство и образование, 2013.
6. Скобелев В. О народном характере в прозе А.Платонова 20-х годов. Творчество А. Платонова. Воронеж. 1970.
7. Кириллова И.В. Типология героев Платонова. Известия ВГПУ, 2007, №5
8. Плач об умершем Боге: Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован». А.К. Булыгин, А.Г. Гуцин. Im Werden Verlag. Москва-Мюнхен. 2004.
9. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926— 1946) // Здесь и теперь. 1993. №1. С. 145.

Источники:

1. Андрей Платонов. «...Я прожил жизнь» (письма, 1920–1950 годы): ФТМ; Москва; 2016.
2. Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 2. “Котлован”.
3. Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 1. “Сокровенный человек”.
4. Андрей Платонов. «Река Потудань». Советский Писатель. Москва. 1987.

5. Платонов А.П. Нормализованный работник // 1920. Режим доступа: <http://platonov-ar.ru/publ/normalizovannyi-rabotnik/>
6. Горький М. Две пятилетки // Правда, №98, 1935. Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-10.htm>
7. Б. Костелянец. Фальшивый гуманизм: [О сб. рассказов А. Платонова “Река Погудань”]. Журнал "Звезда" №2. 1938